УДК 327

Ольга ПАВЛЕНКО

ПЕРЕЛОМ: А.А. ГРОМЫКО В ПЕРВЫЙ ГОД ПЕРЕСТРОЙКИ

Аннотация. В статье рассматривается переходный период в истории советской внешней политики в первые годы перестройки (1985–1987 гг.). В центре внимания – внутренняя ситуация в Политбюро, Министерстве иностранных дел СССР, Международном отделе ЦК КПСС. На начальном этапе А.А. Громыко, как министр иностранных дел СССР, сыграл важную роль. Именно он заложил основы первой встречи Рональда Рейгана и М.С. Горбачёва в Женеве в 1985 г. Это требовало больших усилий и сложных многоступенчатых переговоров. На излёте своей дипломатической службы А.А. Громыко стоял у истоков переговоров об СНВ, в которых были заинтересованы обе стороны. В первые годы перестройки процесс принятия внешнеполитических решений развивался под влиянием двух противоречивых тенденций. С одной стороны, сохранялась сильная инерция советской эпохи, которая заставляла М.С. Горбачёва и его круг сподвижников действовать по правилам, заложенным ещё дипломатией А.А. Громыко. С другой стороны, с 1986 г. стал разрабатываться новый внешнеполитический курс, хотя он имел ещё ситуационный характер. Теоретики “нового политического мышления” динамично меняли надстройку текущих интересов, но так и не смогли полностью осознать, что соответствует реальным национальным интересам СССР, и определить его новую миссию в мире. До конца 1987 г. советская политика напоминала Двуликого Януса, одним ликом обращённого на Запад, другим – на советский мир, отсюда двойственность риторики, переходность стратегических задач, острое желание нравиться западным лидерам и сохранять авторитет среди своих союзников.

Ключевые слова: перестройка, А.А. Громыко, внешняя политика СССР, процесс принятия внешнеполитических решений, советско-американские отношения, Министерство иностранных дел СССР.

В исторических исследованиях за последнюю четверть века можно выделить несколько тенденций. Во-первых, российские и зарубежные исследования существуют параллельно, развиваясь каждый в своей колее. Уровень цитирования западных учёных в российских работах невысок, так же как и в большинстве зару-

© *Павленко Ольга Вячеславовна* – кандидат исторических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет. **Адрес:** 125993, Россия, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.
E-mail: pavlenko@rggu.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019143153>

бежных трудов мы не находим ссылок на важные публикации источников и научных трудов, изданных в России. Исключение составляет лишь узкий круг знатоков эпохи перестройки, работы которых оказывают влияние на историографические подходы вне зависимости от национальных школ и предпочтений.

Во-вторых, количество мемуаров советских и зарубежных политиков и дипломатов существенно превышает качество научных трудов¹. Историк сегодня сталкивается с морем информации, проверить достоверность которой можно только при сопоставлении с другими источниками, учитывая неизбежные искажения, свойственные мемуарной литературе.

Политизация темы в последние годы только возросла, что привело к резкому размежеванию авторов в соответствии с их личным отношением к советской Атлантиде. На одном полюсе оказываются те, кто считает распад СССР роковой ошибкой, на другом – кто считает его закономерным результатом исторического процесса. Выход из этого идеологического тупика может быть только один – максимальное привлечение источников, рассекречивание архивов, объединение усилий международных научных коллективов, чтобы выработать разностороннее понимание того глобального разлома, из которого был создан современный мир.

В-третьих, на фоне острых дебатов значительно возрастает интерес к личному фактору – судьбам и характерам людей, которые сами раскрутили колесо перемен или попали под него. Но к какому бы лагерю не принадлежали учёные и публицисты – апологетами или критиками перестройки – большинство их сходится во мнении, что А.А. Громыко, 28 лет возглавлявший внешнюю политику СССР, достойно прошёл через все искушения и испытания того времени, отстаивая государственные интересы и оставаясь верным своим принципам.

Клише в историографии и публицистике: А.А. Громыко – “господин Нет”, не вполне соответствует его реальной дипломатической деятельности. Скорее это метафора, рождённая западными партнёрами по переговорному процессу. Посол СССР в США, проницательный дипломат А.Ф. Добрынин, которого министр высоко ценил за уникальное знание американского общества и политики, признавал: “В переговорах Громыко проявлял большое упорство и настойчивость. Если у него была запасная позиция по тому или иному вопросу, то он раскрывал её лишь тогда, когда партнёр по переговорам уже собирался встать из-за стола, чтобы закончить беседу. Впрочем, эта черта его порой переходила в крайность, то есть в недостаточную гибкость, что задерживало подчас своевременное достижение необходимых договорённостей” [Добрынин, 2016: 524]. Но при этом министр иностранных дел СССР не был сторонником опасных конфронтаций. Он всегда искал пути, чтобы избежать

¹ Громыко А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М.: ИПО “Автор”, 1997. 254 с.; Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986). М.: ИПО “Автор”, 1997; Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М.: Международные отношения, 2005. 656 с.; Palazchenko P. My years with Gorbachev and Shevardnadze. The Memories of a soviet interpreter. Pennsylvania, 1997. 384 p.; Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М.: Международные отношения, 1992. 320 с.; Гриневский О.М. Перелом. От Брежнева к Горбачёву. М. ОЛМА, 2004. 622 с.

угрозы новой войны и был сторонником ограничения ядерных вооружений. От имени СССР им было выдвинуто более 100 инициатив в области разоружения.

Но в отличие от Михаила Горбачёва, он не верил в отвлечённые понятия, такие как “общечеловеческие ценности”. А.А. Громыко “не воспринимал их в качестве серьёзного фактора реальной политики, в том числе и с учётом не всегда безупречных действий самих США, и не верил в возможность быстрых кардинальных договоренностей с Западом” [Добрынин, 2016: 514]. В книге “Памятное” А.А. Громыко неоднократно подчёркивал, что всегда стремился к нормализации отношений между СССР и США, но “как не раз бывало в истории советско-американских отношений, противники их нормального развития вновь извлекли на свет миф о ‘советской угрозе’, широко пустили в политический оборот тезис, будто напряжённость, враждебность и противоборство являются чуть ли не единственным состоянием для отношений между СССР и США” [Громыко, 1990: 310].

“Тройка”: процедура принятия внешнеполитических решений в СССР

В “эпоху Брежнева” постепенно сложилась коллегиальная процедура принятия государственных решений, при которой зоны ответственности были чётко поделены между членами Политбюро. Внешняя политика и военные вопросы находились в компетенции “тройки”, куда входили министр обороны (Д.Ф. Устинов), министр иностранных дел (А.А. Громыко), председатель КГБ (Ю.В. Андропов). Процесс согласования носил как формальный, так и не формальный характер. Сначала руководители договаривались между собой, после чего следовало поручение их ведомств готовить совместный документ в ЦК.

Видный советский дипломат О.А. Гриневский, активный участник переговоров о разоружении, вспоминал, что на этом важнейшем стратегическом направлении общий тон и направление задавали Д.Ф. Устинов и А.А. Громыко. “Они находились в подчеркнуто дружеских отношениях, часто общались и предварительно всё обговаривали между собой. Так что проблем у экспертов практически не возникало: равняясь на руководителей, они тесно доверительно сотрудничали” [Гриневский, 2000: 83].

Монополия на внешнеполитические решения сохранялась за Политбюро до 1988 г. При подготовке зарубежных визитов Генеральному секретарю, министру иностранных дел поступали от аппарата Политбюро директивы, в которых фиксировались основные и запасные позиции в переговорах, а также пределы допустимых компромиссов. После возвращения он и министр иностранных дел были обязаны информировать членов Политбюро о результатах.

В советском процессе принятия решений были задействованы два уровня – партийно-дипломатический и информационно-разведывательный. На первом работали МИД и Международный отдел ЦК КПСС. Эти влиятельные ведомства негласно конкурировали между собой. На втором – подключались “мозговые центры”, действовавшие в структурах КГБ, ГРУ и Генерального штаба. При Горбачёве к внешнеполитическому процессу был подключен ещё один уровень – научно-аналитический. До середины 1980-х гг. академическая аналитика не оказывала существенного влияния на советскую политику. В период перестройки по примеру американских Think Tanks (мозговых центров) стали привлекаться для работы на правительство научно-исследовательские институты в системе Академии наук:

ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных отношений), который возглавил Александр Яковлев, Институт США и Канады во главе с Георгием Арбатовым, Институт Дальнего Востока и созданный по инициативе Горбачёва Институт Европы. Однако большая часть аналитических материалов, которые готовили для МИДа и Международного отдела ЦК КПСС академические институты, оседала в кипах кабинетных бумаг. Из архивных фондов можно сейчас узнать о серьёзных альтернативах внешней политики СССР и её упущенных возможностях.

В переходный период – после смерти Л.И. Брежнева и короткие промежутки, когда у власти были Ю.В. Андропов и К.У. Черненко, влияние “тандема” А.А. Громыко и Д.Ф. Устинова ещё более усилилось. После смерти министра обороны в декабре 1984 г. А.А. Громыко стал, по сути, наиболее влиятельным членом Политбюро. Неудивительно, что именно его мнение оказало решающее влияние в марте 1985 г. на закусную партийную борьбу по выдвижению нового Генерального секретаря.

На внеочередном пленуме ЦК КПСС А.А. Громыко выступил с речью, в которой поддержал кандидатуру Михаила Горбачёва. Ближайший сподвижник будущего руководителя страны – Анатолий Черняев зафиксировал в своих записях слова Громыко о Горбачёве: “У него огромный опыт партийной работы – на обкомовском уровне и здесь, в центре проявил себя блестяще. У него глубокий и острый ум, умение отделить главное от второстепенного. Ум аналитический. Он умеет делать выводы. Его отличает принципиальность. Он человек принципов и убеждений. Он умеет отстаивать своё мнение, кому-то может быть и неприятное. И выражает это мнение прямо, без обиняков. Но всегда во имя линии партии и для партии. Это и есть партийный подход – все оценки с точки зрения партии” [Черняев, 2008: 20].

Столь высокая оценка из уст министра иностранных дел означала многое. А.Ф. Добрынин считает, что это был прагматичный расчёт – “в течение многих лет он всегда в решающие моменты делал правильную ставку на победителя. Этим во многом объяснялось его политическое долголетие” [Добрынин, 2016: 521]. В литературе устоялось мнение, что выбор Громыко в пользу Горбачёва объяснялся двумя причинами. Во-первых, он понимал, что с “пятилеткой пышных похорон” пора заканчивать и требуется молодой перспективный лидер. Во-вторых, он готов был поддержать выдвиженца Юрия Андропова, потому что верил в необходимость обновления и реформирования советской системы [Базылев, 2018: 21–22].

Опытный и проницательный политик, А.А. Громыко не учёл, что внешне открытый и благожелательный М.С. Горбачёв обладал не только волевым характером, но и чрезвычайно высокими амбициями. Как отмечает в воспоминаниях А.Ф. Добрынин, он не простил А. Громыко критическую реакцию на свою первую поездку в Англию. Министр сделал внушение послам в западных странах, сообщивших о благоприятных отзывах на самого молодого члена Политбюро. По мнению министра, нельзя было “слишком рекламировать себя” за рубежом [Добрынин, 2016: 521]. Это стало известно М.С. Горбачёву, который надолго запомнил этот эпизод.

Роль А.А. Громыко в подготовке Женевской встречи на высшем уровне в 1985 г.

В марте 1985 г. на первом заседании Политбюро после избрания Генеральным секретарем М.С. Горбачёв был ещё осторожен. В адрес А.А. Громыко он сделал

лестное заявление, что “внешнюю политику менять не надо, она завоевала авторитет, требуется лишь активация” (цит. по: [Воротников, 1995: 60]). Внешне ничего не предвещало глобальных перемен. В это время А.А. Громыко был полностью занят подготовкой личной встречи Горбачёва и Рейгана. Это требовало больших усилий и сложных многоступенчатых переговоров от определения места встречи до её повестки.

Правда, уже через месяц – в апреле, когда закипела работа с американцами по согласованию позиций на предстоящей встрече в верхах, Горбачёв уже не скрывал от А.Ф. Дубинина, что “недоволен консервативным и догматичным подходом Громыко к кардинальным вопросам внешней политики СССР, в частности, на американском направлении. Чувствовалось, что про себя он уже решил вопрос о его замене” [Добрынин, 2016: 521].

Инициатива встречи на высшем уровне исходила от американской стороны и была поддержана в Кремле. Советский посол в Вашингтоне А.Ф. Дубинин оценивал эту возможность с умеренным оптимизмом. Оба – министр иностранных дел и посол считали, что после выборов Рейган во время второго президентства может пойти “на какие-то договоренности” [Добрынин, 2016: 506]. Визит А.А. Громыко в Вашингтон в сентябре 1984 г., его встречи с госсекретарем Шульцем и самим Рейганом дали импульс к новым переговорам по вопросам “ядерных и космических вооружений”. Разумеется, каждая из сторон имела свои причины, стимулы и ограничения.

Посол США в СССР Хартман сообщил А.Ф. Дубинину, что Рейган доволен, что прошёл испытание Андреем Громыко. “Это даже как-то подняло его в собственных глазах”. Он сам признавался, что вести переговоры с Громыко тяжелее, чем с Мондейлом [Добрынин, 2016: 506]. Политбюро после длительных дискуссий также приняло решение начать новые переговоры. Но если советская сторона проявляла особый интерес к программе США в области ядерных космических вооружений (СОИ), то американцы планировали сосредоточить внимание исключительно на стратегических наступательных вооружениях.

По свидетельству А.Ф. Дубинина, Рейган ещё до прихода Горбачёва к власти хотел подписать с СССР серьёзное соглашение о сокращении ядерных вооружений в ближайшие 2-3 года [Добрынин, 2016: 509]. Другими словами, американский президент планировал совершить важный прорыв в области глобальной безопасности, ознаменовав тем самым своё второе президентство. Но внутри новой американской администрации не было согласия по вопросам взаимоотношений с СССР. Если сам госсекретарь Шульц, заведующий советским отделом Саймонс, Макфарлейн, зав. отделом госдепартамента по делам Европы Палмер поддерживали эту инициативу, то другие – Уайнбергер, глава ЦРУ У.Д. Кейси, генералы из Пентагона были категорически против. Неудивительно, что позиция Вашингтона накануне и в начале перестройки напоминала маятник – от резкого осуждения и охлаждения отношений с СССР до проявлений заинтересованности в их нормализации.

Этот факт позволяет откорректировать устоявшееся мнение не только в западной, но и отечественной историографии, что только с приходом Горбачёва и назначением министром иностранных дел Э. Шеварднадзе начался новый переговорный процесс о разоружении между Москвой и Вашингтоном. На излёте своей дипломатической службы А.А. Громыко стоял у истоков переговоров о СНВ, в которых бы-

ли заинтересованы обе стороны. Именно при его участии были определены дата и место встречи лидеров двух государств – Женева (19–20 ноября 1985 г.), намечены общие вопросы для обсуждения.

После резкого охлаждения отношений и конфронтации, размещения ядерного оружия в Европе в начале 1980-х гг., запланированная встреча в Женеве имела не столько прагматичный, сколько символический характер. Начало диалога между Москвой и Вашингтоном, что свидетельствовало о понимании взаимной ответственности двух сверхдержав в сохранении мира и укреплении основ глобальной безопасности.

Ещё будучи министром иностранных дел, А.А. Громыко имел инструкции от Политбюро по ведению переговоров с американцами – “добиваться максимально чёткой формулировки цели переговоров по космосу, чтобы не допустить создания космических вооружений, и при этом взаимно увязать ход рассмотрения на будущих переговорах как космических, так и ядерных вооружений” [Дубинин, 2003: 513]. Уже в начале 1985 г. стало очевидным, что новый советско-американский переговорный процесс будет развиваться по дуалистическому сценарию. Если Рейган упрямо держался за космическую программу СОИ и уходил от любых её обсуждений с зарубежными партнёрами, то Горбачёв усвоил и принял позицию Политбюро, считал необходимым сорвать СОИ любой ценой, видя в ней главную угрозу для СССР. Первый период кардинальных трансформаций советской внешней политики 1985–1987 гг. прошёл под знаком острых споров вокруг СОИ. Как впоследствии выяснилось, оба лидера, Горбачёв и Рейган, значительно преувеличивали её эффект и реальные возможности.

Кадровые и стратегические перемены в МИД СССР

2 июля 1985 г. на сессии Верховного Совета официально было объявлено о почетном повышении А.А. Громыко и его отставке с поста министра иностранных дел. В мемуарах советских дипломатов можно прочитать, что это решение Горбачёва оказалось неожиданным, как “гром среди ясного неба” [Гриневский, 2000: 74]. Однако в дипломатических кулуарах обсуждался и раньше вопрос о возможной замене 76-летнего министра. Но все были убеждены, что если новый министр и будет назначен, то из ближнего круга А.А. Громыко, который составляли наиболее опытные советские дипломаты. Многие прочили на эту должность заместителя министра – Г.Н. Корниенко, либо Ю.М. Воронцова, кандидатуру которого лоббировал сам А.А. Громыко. Опытный дипломат, которого министр знал ещё по работе в советском посольстве в Вашингтоне, в то время был послом в Индии и имел большие заслуги в развитии советско-индийского сотрудничества. Однако Горбачёв понимал, что отдать МИД “чуть ли не родственнику Громыко, значило бы оставить всё как есть”. Это стало сигналом для кремлёвской элиты, как писал Анатолий Черняев, что наступил “конец громыкинской монополии и власти мидовского аппарата над внешней политикой” [Черняев, 1985: 638].

Предложенная должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР, как высший государственный пост, имела большие льготы и привилегии в советской номенклатуре, но была лишена серьёзного политического влияния. Отстранение А.А. Громыко от оперативного управления внешней политикой СССР объяснялось несколькими причинами. Знавший настрой Генерального секретаря А.Ф. Ду-

бинин считал, что Горбачёв избавлялся “в преддверии серьёзного диалога с США – от тяготившего его министра, которого он недолюбливал и который своим присутствием и авторитетом мешал проведению зарождавшегося курса ‘нового мышления’ во внешней политике СССР” [Дубинин, 2003: 524]. Действительно, в мае 1985 г. Громыко и Шульц встретились в Женеве, но не смогли договориться. Горбачёв, который всегда торопился в реализации своих задумок, был крайне раздражён пробуксовкой. В конце июня он позвонил Шеварднадзе в Грузию и сделал предложение стать министром иностранных дел.

М. Горбачёв не рискнул вывести А.А. Громыко из Политбюро из-за его значительного авторитета не только среди “старой гвардии”, но и молодых выдвиженцев. Но он убрал из Политбюро своего давнего конкурента Г.В. Романова. На его место был введен Э.А. Шеварднадзе, который уже через два дня был назначен министром иностранных дел. Столь стремительное восхождение Шеварднадзе из горной республики на вершину власти было личным решением Генерального секретаря. Шеварднадзе всю жизнь проработал в Грузии, сначала возглавлял республиканский КГБ, затем Коммунистическую партию. Он пытался отказаться, сославшись на отсутствие дипломатического опыта, но Горбачёв убедил его, что в новых условиях важны “исключительно политические взгляды и умение регулировать текущий процесс” [Шеварднадзе, 2006: 70–71]. Этот критерий – личная лояльность и готовность проводить курс перестройки – ценился Горбачёвым выше профессионального опыта.

Уже летом 1985 г. новый курс в Политбюро поддерживали Э.А. Шеварднадзе и Н.И. Чебриков – председатель КГБ. Проблемы возникали с министром обороны маршалом С.Л. Соколовым (1984–1987), за которым стоял советский генералитет и влиятельные лоббисты военно-промышленного комплекса СССР. В 1980–1985 гг. он был руководителем Оперативной группы, которая координировала боевые действия в Афганистане. Но С.Л. Соколов оставался кандидатом в члены Политбюро, так и не получив полноправный статус, как прежний министр обороны Д.Ф. Устинов. Маршал С.Л. Соколов, как и большинство высшей военной элиты, был не согласен с темпами и масштабом сокращения ядерных вооружений в СССР.

Военная оппозиция серьёзно беспокоила Михаила Горбачёва. Тем более что по внешнеполитическим вопросам, особенно в области разоружения, сохранялся тандем А.А. Громыко и С.Л. Соколова, позицию которых поддерживали члены Политбюро – Соломинцев, Долгих и Демичев, пользовавшиеся серьёзным влиянием в аппаратной среде. Умеренная и прагматичная оппозиция внутри верхушки партии чрезвычайно нервировала эмоционального Шеварднадзе и самого М.С. Горбачёва. Постепенно по вопросам внешней политики и разоружения создавалась биполярная ситуация. На одной стороне оказались военные и “старая партийная гвардия”, на другой – А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, Н.И. Чебриков. Генеральный секретарь не мог и не хотел оставаться над закулисными баталиями в Политбюро. Двойственная ситуация сохранялась до мая 1987 г., когда после скандала, вызванного полётом над Москвой и Кремлём немецкого любителя М. Руста, в результате серии быстрых и решительных действий Горбачёву удалось совершить кадровую революцию в высших эшелонах власти и получить свободу рук во внешней и внутренней политике.

После назначения министром иностранных дел Э. Шеварднадзе пригласил на должность своего помощника журналиста из Грузии – Теймураза Степанова-

Мамаладзе. “Темо” (так звали друзья Степанова-Мамаладзе) и “Шеви” (Э. Шеварднадзе) сближало обострённое чувство сопричастности к общей родине – Грузии и резкое отторжение “загнившего” в советской системе. 3 сентября 1985 г. Теймураз высиделся, по его словам, “на планету МИД”, где вначале все казались “инопланетянами”, изливавшими потоки информации – “острая, пряная, иногда дурно пахнущая пища для ума. Разум смятён” [Степанов-Мамаладзе, 2013: 10].

Концепция “нового политического мышления” Михаила Горбачёва зарождалась под влиянием его личных контактов с зарубежными политическими элитами и обществами. Если в первый год перед командой Горбачёва стояла задача показать миру, что он – советский лидер нового типа, то уже на следующий год началась работа над новым внешнеполитическим курсом. Министр Шеварднадзе давал установку своим помощникам – “мы должны всячески содействовать яркости “звезды” Горбачёва, чтобы “закрепить и развить сложившееся впечатление” [Степанов-Мамаладзе, 2013: 14–17].

Впервые понятие “новое политическое мышление” прозвучало в Заявлении М. Горбачёва от 15 января 1986 г.¹ Раздел по внешней политике его доклада на 27 съезде КПСС в феврале 1986 г. переделывался четыре раза. Вводилось новое понятие – “демократизация международных отношений”, но нужно было понять, как СССР должен выстраивать “демократические отношения” с Западом. За общими словами в тексте доклада не было конкретных разъяснений. Дальнейшее оформление внешнеполитического курса произошло на конференции в МИДе в мае 1986 г.

Э. Шеварднадзе в совершенстве владел искусством личного общения, чутьём угадывая, что хотел бы услышать собеседник и как его расположить к себе. Эта внутренняя потребность нравиться на Западе нередко приводила к излишней торопливости и суетливости в принятии решений. В отличие от А.А. Громыко, который долго и тщательно взвешивал каждое слово в переговорах и стремился максимально “дожать” своих партнёров, Э.А. Шеварднадзе всех очаровывал своим обаянием и манерой во всем подыгрывать собеседнику. Он всё время “работал” на контрасте с прежним политическим стилем А.А. Громыко.

Его преданный помощник – Теймураз Степанов-Мамаладзе с восторгом писал о “гении Грузии”, который за короткий срок изменил характер советского МИДа: “Старожилы этого неухоженного дома на Смоленской говорят, что никогда ещё в нём не звучали такие речи. Требования быстрого действия интеллекта, большей подвижности, динамизма, лучшей профессиональной оснащённости были подкреплены крепко забытыми моральными заповедями: не возлюби жены ближнего своего, не лги, не воруй, не разлагайся. Ссылки на Ленина, Чичерина, Горбачёва, под занавес – на Маркеса и всё это – с использованием отработанных приёмов воздействия на ‘психологию массы’, включая такое сильно действующее средство, как собственное волнение” [Степанов-Мамаладзе, 2013: 24]. Речь шла о выступлении нового министра перед сотрудниками МИДа 1 декабря 1985 г. Шеварднадзе с упоени-

¹ Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва, 15 января 1986 г. М., 1986. С. 8. Хотя генезис его доктрины внешней политики начался ещё при подготовке материалов апрельского пленума 1985 года: Материалы апрельского (1985 г.) пленума ЦК КПСС. М., 1985; За новое политическое мышление в международных отношениях: Документы и материалы. М., 1987. С. 123–190.

ем демонстрировал новый стиль управления внешней политикой СССР и новое понимание её целей. Но за высокоморальной риторикой не прослеживалось реальное внешнеполитическое планирование.

Э. Шеварднадзе был искренне убеждён в том, что Женева – это результат его вдохновенного труда, великий шанс для “усталого человечества”, который освятил “его вступление в мир большой внешней политики”. Именно Женева, как министр считал, дала ему мандат на критические высказывания в адрес министерства иностранных дел СССР. Как замечал Степанов-Мамаладзе, “аплодисменты прозвучали лишь раз и, к удивлению оратора, в самом неподходящем месте – там, где он коснулся соцкультбыта” [Степанов-Мамаладзе, 2013: 24].

Но поводов гордиться большими успехами в 1985 г. не было. Встреча в Женеве прошла по тому сценарию, который предсказывал А.А. Громыко. Позиция советской стороны соответствовала основным установкам, которым следовал прежний министр иностранных дел. Безусловно, стиль общения стал более открытым и привлекательным, изменилась риторика. Но сохранялась жёсткая позиция увязывать переговоры о сокращении наступательных вооружений с программой СОИ, что и вызвало сильное раздражение Р. Рейгана.

Надежды М. Горбачёва и Э. Шеварднадзе на сближение с Францией также не оправдались. А. Черняев раздражённо записал в дневнике: “Ещё одна на протяжении веков попытка России обняться по-братски с Европой. И опять – ирония, холодность, вежливая надменность в ответ (...) Высокомерное и гнусное лицо Миттерана во время совместной с Горбачёвым конференции было лицом Европы в ответ на наше радушие” [Черняев, 2008: 648].

В советской политике начинали происходить прежде невозможные явления. Возник институт “спичрайтеров”, куда приглашались интеллектуалы, вносящие в тексты руководителей государства свои идеи, казавшиеся им прорывными на общем фоне стагнации советской системы. Влияние таких спичрайтеров уже в первый год перестройки настолько усилилось, что они могли напрямую влиять на процесс принятия внешнеполитических решений. Волна горбачёвского новаторства подняла на самую верхушку власти Александра Яковлева. Он в свою очередь потянул за собой Черняева, Шахназарова, Арбатова, Медведева. Интеллектуалы-аппаратчики формировали не только внешнеполитический стиль Горбачёва, его “образ на экспорт”, но и принимали самое прямое участие в разработке стратегических инициатив СССР в мировой политике.

Весь этот период внешняя политика СССР развивалась под воздействием двух противоречивых тенденций. С одной стороны, ещё сохранялась сильная инерция советской эпохи, которая заставляла М. Горбачёва и его министра иностранных дел играть по правилам, заложенным дипломатией А.А. Громыко. Ещё не утратили силу советские многосторонние форматы – Варшавский договор, Совет экономической взаимопомощи, Движение неприсоединения, международное коммунистическое движение и двусторонние доверительные отношения с “братскими странами” Восточной Европы, режимом Ким Ир Сена в Северной Корее, Фиделя Кастро на Кубе и т.д.

Переходность первых двух лет перестройки отразилась и в ежегодных Отчётах КГБ под грифом “Особой важности”. Отчёт за 1985 г. был выдержан в советской традиции. Противниками СССР назывались “правлящие круги США, других стран НАТО, Японии и КНР”, которые стремятся “к достижению военного превосходства

над СССР”. Ставилась задача – своевременно обнаружить “признаки подготовки к возможному развязыванию ракетно-ядерной войны”, искать информацию “о военно-стратегических планах противника” [Отчет..., 1985]. На Всесоюзном совещании руководящего состава органов и войск КГБ СССР в июне 1986 г. особо отмечалось усиление “подрывной деятельности спецслужб империализма против СССР и других социалистических стран”. Руководитель Первого главного управления КГБ В.А. Крючков, занимавшегося разведывательной деятельностью, призывал сотрудников “не просмотреть непосредственной подготовки США и их союзников к внезапному ракетно-ядерному нападению на СССР” [О всесоюзном...]. Вторая по степени значимости угроза исходила от “активизации националистических и антисоветских группировок, действовавших на территории Украины, Казахстана, Латвии, Белоруссии, в Москве и Ленинграде”¹.

С другой стороны, СССР одновременно стал открываться Западу. Формировался новый стиль переговорного процесса – инициативный и наступательный. За два года сложились траектории двусторонних отношений с США, Великобританией, Францией, Западной Германией, Италией. Обновлённое западное направление получило приоритетное развитие, оттянуло на себя значительное внимание и ресурсы.

Подводя итог первым годам нового внешнеполитического курса, стоит отметить следующее. Во-первых, его отличала высокая динамика, значительное количество мирных инициатив и шагов к сближению с США и Западной Европой. Если 1985 был “годом стиля” – наступательного и оптимистичного, то с 1986 г. началась разработка нового внешнеполитического курса. Но этот процесс имел ситуационный характер, теоретики “нового политического мышления” динамично меняли надстройку текущих интересов, но так и не смогли полностью осознать, что соответствует реальным национальным интересам СССР, и определить его новую миссию в мире.

Список литературы

- Горбачёв М.С. (1995) *Жизнь и реформы*, кн. 1, Новости, Москва, Россия, 600 с.
 Гриневский О.А. (2000) Как Горбачёв приступал к внешней политике, *США и Канада: экономика, политика, культура*, № 4, с. 74–85.
 Гриневский О.М. (2004) *Перелом. От Брежнева к Горбачёву*, ОЛМА, Москва, Россия, 622 с.
 Громыко А.А. (1997) *Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына*, ИПО “Автор”, Москва, Россия, 254 с.
 Громыко А.А. (1990) *Памятное*, кн.2, Политиздат, Москва, Россия.
 Добрынин А.Ф. (1997) *Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986)*, ИПО “Автор”, Москва, Россия.
 Черняев А. (2010) *Совместный исход: дневник двух эпох, 1972–1991 годы*, РОССПЭН, Москва, Россия, с. 638.

References

- Ahromeev S.F., Kornienko G.M. (1992) *Glazami marshala diplomata. Kriticheskij vzglyad na vneshnyuyu politiku SSSR do i posle 1985 goda*, Moscow, Russia.
 Bazylev V.N. (2018) O svoej strane, svoej sud'be, nastoyashchem i perezhitom: Andrej Andreevich Gromyko (k voprosu o real'nosti “politicheskogo narrativa), *Politicheskaya lingvistika*, 5(71), pp. 16–26.
 Chernyaev A.S. (2008) *Sovmestny iskhod: Dnevnik dvuh epoh. 1972-1991 gody*, Moscow, Russia.

¹ Об итогах работы органов КГБ по розыску авторов антисоветских анонимных материалов в 1986 году // РГАНИ. Ф. 89. П. 51. Д. 10. Л. 1 (отмечается возрастание анонимных антисоветских материалов по сравнению с 1985 г. на 2683 экземпляра).

- Dobrynin A.F. (1997) *Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentah SSHA (1962–1986)*, Moscow, Russia.
- Dubinin YU.V. *Vremya peremen. Zapiski posla v SSHA*, Moscow, Russia.
- Gorbachev M. S. (1995) *Zhizn' i reform*, Kn. 1, Moscow, Russia.
- Grinevskij O.A. (2000) Kak Gorbachev pristupal k vneshnej politike, *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 4, pp. 74–85.
- Grinevskij O.M. (2004) *Perelom. Ot Brezhneva k Gorbachevu*, Moscow, Russia.
- Gromyko A.A. (1990) *Pamyatnoe*, Kn.2, Moscow, Russia.
- Gromyko A.A. (1997) *Andrej Gromyko. V labirintah Kremlya. Vospominaniya i razmyshleniya syna*, Moscow, Russia.
- O Vsesoyuznom soveshchanii rukovodyashchego sostava organov i vojsk KGB SSSR, *RGANI*, F.89. P. 51. D.8. L. 4.
- Ob itogah raboty organov KGB po rozysku avtorov antisovetskih anonimnyh materialov v 1986 godu, *RGANI*, F. 89. P. 51. D. 10. L. 1.
- Otchet o rabote Komiteta Gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR za 1985 god, *RGANI*, F. 89. P.51. D. 7. L. 1–2.
- Otchet o rabote Komiteta gosbezopasnosti SSSR za 1986 god, *RGANI*, F. 89. P. 51. D. 9. L.2.
- Otchet o rabote Komiteta gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR za 1988 god, *RGANI*, F. 89. P. 51. D. 15. L. 3.
- Palazchenko P. (1997) *My years with Gorbachev and Shevardnadze. The Memories of a soviet interpreter*. Pennsylvania.
- Shevardnadze E. (2006) *Mezhdru proshlym i budushchim*, Tbilisi.
- Stepanov-Mamaladze T. (2013) *I mir menyalsya na nashih glaza*, Kn. 1, Tbilisi.
- Vorotnikov V.I. (1995) *A bylo eto tak*, Moscow, Russia.

A Watershed: Andrei Gromyko in the First Year of Perestroika

Author: Pavlenko O.V., Candidate of Sciences (History), Vice-Rector for Scientific Affair, Head of the Area Studies and Foreign Policy Department, Faculty of International Relations and Area Studies, Russian State University for the Humanities. **Address:** Miusskaya sq. 6, Moscow, GSP-3, Russia, 125993. **E-mail:** pavlenko@rggu.ru

Abstract. The article deals with the transition period in the history of the Soviet foreign policy in the first years of Perestroika (1985–1987). The research is focused on the internal situation within the Politburo, the Foreign Ministry of the USSR, the International Department of the CPSU Central Committee. At an early stage, A.A. Gromyko, as the Minister of Foreign Affairs, played a major part. He was the one who had laid the foundation for the first meeting between Ronald Reagan in Genève in 1985. Such activity took much effort and required complicated multi-stage negotiations. At the time when his diplomatic career was running out, A.A. Gromyko initiated the SOA talks over which both sides expressed vital concern. In the first years of Perestroika a foreign policy decision process had been developing under the influence of two controversial tendencies. On the one hand, a strong inertia of the Soviet epoch forced M.S. Gorbachev and the circle of his associates to act under the rules laid down by A.A. Gromyko's diplomacy. On the other hand, in 1986 a new foreign policy course was developed, although it still had a situational character. The "new political thinking" theorists were dynamically changing the superstructure of current public issues but they could never figure out the agenda that responded specifically to a genuine national demand of the USSR; they failed to formulate the Soviet Union's new world mission either. Up to the end of 1987, the Soviet policy was like Janus-faced, one side was directed to the West and the other side – to the Soviet world. Consequently, such ambiguity resulted in rhetoric ambivalence, shifting of strategic issues, a keen desire to please Western leaders and remain credible among allies.

Key words: Perestroika, A.A. Gromyko, USSR foreign policy, foreign policy decision-making process, Soviet-American relations, Foreign Ministry of the USSR.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019143153>